

КАТЕНЬКА МИСЮРИНА

— Антисфон, ученик Горгия, — начал Стивен, — отнял пальму первенства в красоте у племенной матки Кюриоса Менелая, аргивянки Елены, у этой троянской кобылы, в которой квартировал целый полк героев, — и передал ее скромной Пенелопе.

Джеймс Джойс «Улисс».
Часть II. Эпизод 9

◆ Николай Андреевич, матерый доцент кафедры ракетостроения Тулуповского университета, а до пенсионного возраста трудившийся в знаменитом конструкторском бюро «Меткость» академика Гусакова, имел хорошую память на лица, даже женские, что в последние десять-пятнадцать лет, при изобилии подешевевшей косметики и устойчивой моде на распущенные, беспричесочные волосы, стали инкубаторскими — от старших школьниц до «заслуженного отдыха». Скорее всего профессиональное, когда на полигонных испытаниях глаза его, десятилетиями «пристрелявшиеся», на полном автомате едва ли не точнее аппаратуры, которой забит целиковый КУНГ*, фиксируют в ближней зоне пуска ракеты весь ее «эквилибр» от расчетных параметров. Он даже не то что не присматривается к встречным-поперечным на улице, но просто в зрительной коре его мозга сигнал с сетчатки глаз, минуя сознательную, оперативную (это как в компьютерах) память, занимает в подсознании положенные ему нейроны и синапсы. — Так друг с биофака профессор Скородумов поумному объяснял специфику его зрительной памяти.

Вот взять сегодняшний день, размышлял Николай Андреевич, расположившись после ужина на покойном диванчике, в полудреме временами поглядывая на экран телевизора, что с увлечением смотрела супруга, но поглядывая отстраненно, не вникая, идет он после занятий домой — всего-то пути проспект перейти и свой небольшой квартал по диагонали — и боковым зрением отмечает: в соседнем с ним дворе остановилась машина. Машина как машина; сейчас только голоштанные доценты и профессора их не имеют. А из нее выходит с рулевой стороны солидноватый (но не то чтобы уж солидный!) мужик, где-то между сорока и полтинником, а с другой — молодая женщина лет двадцати пяти, может чуть поболее. И привычно, без разговоров идут к дому, в подъезд. Поскольку машину поставили на торцевой заасфальтированной площадке между домами, которую к ночи плотно забивают авто, значит, здесь она и будет стоять до утра, а там кто знает?

* Так в армии для краткости называют грузовой автомобиль с закрытым высоким кузовом КУНГ — кузов универсальный герметический. — Прим. авт.

Отметило его зрение парочку из автомобиля, передало цепочку сигналов куда следует в мозг, а Николай Андреевич в это время уже с интересом, главное осознанно, смотрит на двух *ихнего* двора котов Тайсона и Рыжего, что в виду проходящей мимо полосатой кошки решили проимитировать супротивные друг другу воинские действия. Очень уважал солидный доцент котовское сословие. И лишь сейчас, мимо-летно взглянув на экран, он вспомнил встреченную парочку у недалекого дома их квартала. А почему вспомнил? — Потому что в душеспитательном сериале на телеканале «Домашний» он узрел почти сходное: также из автомобиля вышла несколько мезальянская по возрасту парочка и проследовала молча, привычно к подъездной двери.

Вспомнил в следующей последовательности. Во-первых, в одежде, вроде бы и обыденной, чуть выше среднего класса, в походке встреченной молодой женщины, даже в ее коротком, молчаливом пути со спутником от припаркованной машины до недалекого подъезда, что-то показалось ему не совсем... не то что необычным, но, как бы это поточнее, по-инженерному определить? — отличающимся от принятого для ее возраста, местожительства, наконец, фасона одежды, стандарта с элементами некоей специфичности. Во-вторых же, он просто вспомнил *ее!* — Скорее по походке и фигуре, нежели по лицу, что имеет свойство — у женщин особенно — меняться даже в недолгие годы. А первый раз Николай Андреевич увидел, нет, отметил в зрительной памяти, ее лет десять назад, еще совсем юной. И отметил по услышанному ее с подругой разговору, а присмотревшись тогда к ней, вспомнил знакомое лицо: девчонка из их квартала. Такое вот сложное воспоминание в квадрате, нет, даже в кубе, завлекло Николая Андреевича на покойном вечернем, послеужинном диванчике.

Увидел же он ее, отметив в памяти осознанной, оперативной, с десяток лет назад на трамвайной остановке, что на углу их квартала, через улицу. Тогда Николай Андреевич еще трудился в «Меткости» и в июле месяце ушел в отпуск, на третий день которого собрался съездить на книжный развал около центрального рынка. Вот и ожидал трамвай, который явно не торопился. «Опять, наверное, какая-нибудь курва с купленными правами на рельсах застряла! Вот теперь на час и трамваи станут», — кивнув Николаю Андреевичу, проворчал шапочно знакомый мужичонка ростом «метр с кепкой» из соседнего дома, тоже куда-то намылившийся прокатиться. Рассеянно поздоровавшись, Николай Андреевич, избегая ненужного ему глупого разговора, перешел на другую сторону рельсового пути, вроде как интересуясь чем-то в витрине ларька-сникерской при остановке трамвая. А в полутора метрах, на другом углу ларька беседовали две девчонки — то ли старшие школьницы, а может и только что окончившие школу, либо первокурсницы. Вернее, одна, росточком поменьше, с интересом слушала. Другая, повыше и постройнее, начавшая оформляться фигурой под выход из юности в раннюю молодость, в пестреньком платьице с пояском, увлеченно что-то рассказывала. Поначалу Николай Андреевич все это воспринимал для себя словесным фоном, дополняющим ворчание того же плюгавого мужичонки, шушание шин пробегающих по параллельной рельсам дороге машин, или их тархтящего стукотенья, если в сплошном встречном потоке иномарок вдруг встречался «жигуль», «волга» или «москвич» — наследие предыдущего государственного устройства. Но здесь на светофоре автопоток притормозил, а мужичонка по ту сторону рельс закурил сигарку, приостановив клясть как нынешнюю, так и все предыдущие власти. В установившейся относительной тишине до Николая Андреевича уже четко доносились слова монолога девицы, что повыше ростом и звалась Катенькой. Девицы не видели доцента, стоявшего за углом у витрины ларька.

◆ — Как мы в прошлом году, Леночка, школу с тобой закончили, — при этих словах говорившая произвольно указала рукой на здание школы в сотне метров от трамвайной остановки, в которой учились, в числе других окрестных, все ребята их квартала, — так я по ранней осени с ним и познакомилась. Случайно. В парке в воскресенье на скамейке у фонтана мороженое ела, а он так вежливо подсел, поговорил,

потом погуляли по парку, на уток в пруду посмотрели, договорились созвониться через пару дней — он работает, а в среду с полудня свободен. Быстро сдружились, встречаться начали — у его школьного еще приятеля своя однушка, а сам вахтовым порядком в Москве на стройке работает. Приятель этот вскоре и моего Сашу туда сманил, так что всю эту зиму и начало мая встречались разок в неделю-две. Но потом ему друзья работу здесь нашли, на оптовом складе, и сейчас там же, на приятелевой квартире, встречаемся. Не жадный, иногда подарочки делает: духи типа польских, бижутерия чешская, так что по мелочам. Вот вчера вечером гуляли по проспекту, зашли в магазинчик «Связной» посмотреть новинки. Очень мне понравился один мобильник: цвет шоколадный, обратная сторона корпуса так изящно изогнута, полифония... словом, чувствую — все по мне, мое все! Он сначала как-то не обратил внимания, но потом увидел мое восхищение, решил купить. Жалко, что у него с собой только полторы тысячи было, а мобильник две с сотенкой стоит. Ладно, в следующий раз мимо проходить будем...

— Катенька, так у вас серьезно?

— Вряд ли. Парень он неплохой, пьянством не увлекается, но... перспективы у него особой нет: живет с родителями и сестрой моложе его, еще школьницей, родичи работяги, сам он тоже без образования, на подхвате в своей оптовке. Саша в себе уверенный, настойчив, вполне возможно и состоится. Но сколько этого ждать! Так, погулять пока молодая. Опять же не школьница уже, надо постоянного партнера иметь. Сама знаешь, как на девушку, не дурнушку собой, без своего парня со стороны смотрят? Похоже и он сам понимает: дружим для взаимной приятности, как говорится, без обязательств. Ну и замечательно. В таких отношениях главное особо парня не баловать. Встречаемся-то каждый вечер, а на приятелеву квартиру, мол, чтобы мать не орала, заходим пару раз в неделю, но к одиннадцати часам он меня домой провожает. С ночевкой же не более двух раз в месяц. Еще,— здесь рассказчица понизила голос, но заинтересовавшийся клубничкой матерый доцент напряг слух,— и в постели не все позволяю. Мужчины ведь на дармовщину норовят без презика, а мне зачем противозачаткой организм травить? Опять же знаешь, что сейчас о СПИД'е по телеку говорят, в нашей «Голоке» и «Молодом ленинце» пишут. А он парень почти видный из себя, девки же сейчас словно с голодухи, так и зыркают глазенками — под кого бы лечь? И излишеств всяких — ведь насмотрятся порнухи! — ни-ни, даже что-бы не заикался. Поберегу для более серьезных отношений.

— Это как?

— А вот заведешь себе парня, так сама начнешь соображать.

— А когда на эту... приятелеву квартиру не заходите, то просто гуляете?

— Зачем же просто. Он кормит меня обязательно — в кафешке недорогой, в парковой шашлычной. В кино иногда ходим, когда идут новые американские фильмы. На позапрошлой неделе Киркоров на стадионе выступал — сюрприз сделал, сводил. Боюсь порой, как бы не влюбился, тогда придется...

Но здесь интересную беседу заглушил грохот подкатывающего трамвая нужного Николаю Андреяновичу направления движения, и матерый доцент заторопился перебегать рельсовый путь.

Спустя пару лет опять же в разгар лета, когда Николай Андреянович собирался в грядущее первое сентября продолжить трудовой путь уже в университете, опять «встретился» с Катенькой, уже повзрослевшей лет так до двадцати. К вечеру этого дня он малость повздорил с супругой — как раз по причине уже решенного перехода из «Меткости» в университет. Собственно, как всякую здравомыслящую женщину, в таковой перемене трудоустройства мужа ее беспокоила исключительно материальная сторона. В «Меткости» как раз наметились перемены к лучшему после уныния девяностых и нулевых годов — в рамках директивного оживления военно-промышленного комплекса. Это «светило» отразиться и на зарплате. Тем более, хотя Николай

Андреянович никогда не стремился начальствовать, но, как конструктор-ракетчик с большим опытом и знаниями, даже «оформивший» себе кандидатскую ученую степень, мог претендовать на солидную прибавку к окладу, что в сумме превышало скромную зарплату доцента. Понятно отсюда неудовольствие жены. Николай Андреянович лениво отбивался, стараясь свести скандалчик к шутливой интонации... Впрочем, забыв слова Козьмы Пруткина, что-де не шутите с женщиной, ибо шутки эти зело неприличны. «Все равно ведь, не имея генеральского чина, всех денег не заработаешь,— склонялся будущий доцент к фольклору,— как раньше в деревнях говорили: на трудовые гроши годовой псалтыри не закажешь!»

А на дворе стояло жаркое, душное лето того достопамятного, на чертову дюжину заканчивающегося, года. К радости сторонников и пропагандистов очередной выдумки мирового империализма и транснациональных компаний всех профилей — якобы глобального потепления. ...И к огорчению слабоимущих обитателей их квартала, хотя бы в престижном месте города расположенном, но пятиэтажного, построенного в хрущевский квартиросозидательный бум, заселенного трудящимися от станка, инженерного кулъмана, школьной аспидной доски и других богоугодных профессий. Нынешние жильцы, преимущественно в первом и втором потомстве, тоже особенно не стремились вливаться в мелкобуржуазную биомассу, поэтому кондиционеров не заводили, а от безветренной духоты аномального лета спасались по старинке: женщины устремлялись на «шесть соток» или прогуливались своими болтливыми компаниями по близкому к кварталу тенистому центральному парку, а мужики, разоблачившись до семейных сатиновых трусов, весь световой день лежали на диванах, с наслаждением смотрели по телевизору ментовскую классику девяностых с Толоком Дукалисом. Перед обедом принимали по паре стопок водки (в ней сорок градусов, в атмосфере почти столько же, значит уравнивает друг друга...), а затем в горячечном дневном сне забывались до вечера. Проснувшись, до темноты освежались чаем с лимоном, курили, сидя на балконах и по-соседски, чуть повысив голоса, обсуждали виды на урожай и футбольные новости. Дождавшись остужающего полупночного часа, оставив настезь открытыми балконные двери и форточки, просмотрев последние на этот день теленовости с оптимистическим прогнозом насчет спадения жары «еще немного, еще чуть-чуть», отходили ко сну по-шахтерски уставшими.

♦ Каково же чувствовалось североморцу Николаю Андреяновичу, родившемуся и выросшему, как те песенные «ребята семидесятой широты», на самом выходе из Кольского залива в Баренцево море, хотя и не замерзающее, но точно названного поморами Студеным? И хотя давным давно он живет в среднерусском Тулуповске, но, как объяснил ему друг, профессор-биофизик Скородумов, организм его настроен на тот климат, в котором он провел детство, отрочество и начало юности. Потому-то лениво отбодрялся от меркантильных доводов супруги из-за упадка физических и умственных сил, а напившись от пуза вечернего чая любимой северной, то есть крепкой, заварки, и вовсе никак не мог призвать к себе отдохновляющий сон. Нет, конечно, в полной темноте и тишине, поворочавшись и пообломав бока, он бы впал во вполне нормальный, до утра покой. Но как раз тишиной до двенадцати, до нуля, говоря по-флотски, до часу пополуночи двор их дома не отличался. Ибо дом этот, а значит и его двор, имел несчастье расположиться ближайшим — черед дорогу и трамвайную линию — к входу-выходу центрального городского парка и бывшему Дому культуры профсоюзов, в описываемое время воспоминаний Николая Андреяновича еще не снесенным главным торговым армянином* Тофиком Бобяном под

* Без обиды для армян, да они и не обидятся. В каждом областном среднерусском городе всегда наличествуют два главных армянина: один по торговой (в широком смысле) части, другой по культурно-воспитательной в армянской диаспоре. Вот мой тесть (жена полуармянка-полурусская), профессор филологии и писатель-публицист, свыше полувека был главным армянином в Рязани по части культуры и воспитания... к сожалению, не по торговой.— Прим. авт.

строительства аквапарка и сорокаэтажного делового центра. После того, как Дом профсоюзной культуры стал основным в городе молодежным развлекательным учреждением, естественно, в девяностые годы получившим вывеску с американским названием латиницей, то к летней полуночи все старшие школьники, студенты, рабочая молодежь, как говорили в советское время, то есть нынешние менеджеры и офисные криветики, недогулявшие в парке и американизированном *Albany*, понятное дело, устремлялись в ближайший двор Николая Андреевича. И до часу ночи уснуть в квартирах, как у него, выходящих окнами и балконом на двор, могли только глухие или мертвецки пьяные. Война жильцов с клубом под открытым небом велась уже два десятилетия, с начала лихих девяностых — раскрепощения нравов и круглосуточных магазинов. Ни регулярные вызовы милицейских, тогда еще не полицейских, нарядов, ни постепенное — официальных по коллективным заявкам жильцов, а то и просто явочным порядком — снесение всех подъездных лавочек, детских площадок и всяких там качелей-каруселей, ни женские вопли и мат мужиков с балконов — ничто разгулявшуюся молодежь не останавливало. Правда, в последние годы власть начала устрожаться по части общей дисциплины и благонравия порядка, потому и молодежь во дворе несколько сбавила децибелы. Но все одно в ту ночь Николай Андреевич только за полночь после курантов поймал за хвостик некрепкий сон. И столь некрепкий, что уже через пару часов, в самую глубь и тишь ночи, его разбудил всего лишь негромкий женский разговор во дворе — там все же от снесенного детского городка сохранилась деревянная приступка, на которой могли притулиться двое-трое. Если не обоим задастые.

Чертыгнувшись, включил бра над кроватью, посмотрел — точно, три часа. Выключил, присмотрелся в раскрытую балконную дверь: начало июля, поэтому небо-склон, насколько его не заслонял соседний дом, уже отливал свинцоватой синевой. В полной тишине даже негромкие голоса вливались в квартиру, а слова четко различались. Тем более, что загулявшие девицы явно утомились, потому не стрекотали в оба голоса одновременно, но говорили поодиночке и размеренно, не увлекаясь. То, что их беседа слышна в «час волка», как минимум, в половине квартир обоих домов двора с растворенными форточками и балконными дверями, да наверное и до соседнего двора долетают, им и в голову не приходит. Совершенно проснувшись, Николай Андреевич, полагая глупым лежать в темноте бодрствующим чурбаном, поднялся, вышел на балкон, присел на невысокую табуреточку, закурил. А здесь и вовсе, что с ночными беседницами в одной комнате находится! — по слышимости, но в полной невидимости. Поначалу, не вслушиваясь в разговор, он по тембру пробовал составить «портрет» полуночниц. Явно подгулявших власть, но не до пьяну, как в их среде на всяких девишниках принято. Но в приятной ночной — по сравнению с дневной духотой — прохладе с предутренним ветерком хмель выходил из их голов, оставляя разговорчивость, что называется, по душам. Как представил себе Николай Андреевич, парочка разновозрастная: одна, отвечавшая односложно, явно внимательно слушающая, совсем молодая, лет двадцати «плюс-минус»; но по глуховатому контральто, уверенности в построении фраз, каким-то другим признакам и содержании речи второй, держащей в своих руках беседу, он сразу дал лет тридцать, скорее даже тридцать три — тридцать пять, но не более — голос и речь еще не обабившейся молодой, но уже матерющей женщины, прошедшей огонь, воды и медные трубы. А поневоле вслушиваясь в разговор и вовсе восхитился: матерая понятными словами, но не сбываясь на откровенную, конкретную грубоватость, передавала своей *tête-à-tête* весь немалый опыт общения с мужчинами — от способов завлечения в сети любовных отношений до описания строгой последовательности в закреплении этих отношений и долговременного удержания мужика в таковых сетях, чтобы он не начал засматриваться на других. С особой тщательностью она описывала постельные позы и способы, в том числе «незалетные», опять же в строгой последовательности разре-

шения их партнеру по мере его привязки и опутывания сетями, дескать, «одна моя знакомая с мужем так постоянно делают», или «как-то у подружки ее парень порнуху нам показывал; мы с ней, конечно, расплевались, но... знаешь, интересно там». «Главное, Катенька, мужику от тебя одно удовольствие должно идти, а от него то же самое в обрат, но в добавок обеспечение. Как простецкие девки с косолученской заводской окраины говорят, любви и денег тебе во все дырки! Грубо, конечно, но верно».

Услышав про имя молодой собеседницы, Николай Андреевич даже прихлопнул ладонью по лбу: вот почему ее голос, хотя бы она и редко вставляла слово-другое в ликбезную лекцию старшей своей подруги или просто знакомой, показался ему вроде бы уже где-то слышанным? А он имел достаточно выраженную особенность: вовсе не противенький такой, окающий по-нижегородски и как будто горячая картофелина во рту катается, по-американски, которому они все в миг обучились непонятно почему и как. Может от смотрения бредятины «Дом-2» по телящику? И еще изюминка таки приятная: легкое, почти неуловимое грассирование на глухих согласных, что украшает молодую женщину, как, например, совсем небольшое косоглазие — с точки зрения мужчин, конечно.

Память слуховая Николая Андреевича, как и зрительная, редко подводила. А не та ли это Катенька в пестреньком платьице с пояском, чей разговор с подружкой Леной он невзначай подслушал пару лет назад на трамвайной остановке? Гм-м, но в жизни так часты и совпадения. Если же она и есть, то значит сейчас уже с достаточным опытом общения с другим полом? Но ведь, как гласит житейская мудрость, учиться надо всю жизнь. Теперь ему стали понятны и короткие, уточняющие вопросы младшей ночной собеседницы: умная девушка Катенька вызвала расслабившуюся на девашнике старшую подругу, нет, скорее просто знакомую, на откровенность «по заданной теме», чтобы почерпнуть прибавку к собственному опыту, а заодно проверить: правильным ли путем она идет?

Неужели простое совпадение? — Мало ли грассирующих на глухих согласных, говорящих достаточно чистым русским языком девушек... они же молоденькие женщины.

Сомневающие размышления бессонного грядущего доцента прервал со стороны торца дома резкий взвизг шин на лихом развороте, и к первому подъезду (Николай Андреевич во втором) подкатила машина Петьки, соседа-бомбилы. В свете фар, еще на развороте осветивших сидящих на деревянном приступке собеседниц, Николай Андреевич тотчас узнал в младшей из них давешнюю Катеньку с трамвайной остановки. Даже идущий к ней фасон платья с пояском тот же.

...Поздним утром следующего дня Николай Андреевич вышел из дома с намерением отдать прощальный визит ностальгически родной «Меткости», то есть забрать в отделе кадров трудовую книжку и получить в кассе расчетные деньги. Получать их всегда хорошо, но отдавать не очень. А пришлось, проходя соседним двором, выдать мелочь тамошнему мирному алкашу Володьке, живущему на пенсию матери. — «Выручи, Андреевич, на пиво не хватает, трубы горят» и так далее. Получив требуемое, Володька разговорился, что-де сегодняшней ночью «из твоего, Андреевич, двора аж до нашего дома разносился разговор молодых бабенок: как мужиков охмурять и к себе захоравливать, как перед ними задом вертеть и прочее. Не слышал? Интересно, разэтакие, говорили». «Нет, спал», — ответил Николай Андреевич, шуточно откозырял и свернул в сторону проспекта к остановке. Ехать долго, с пересадкой с троллейбуса на трамвай. На утреннем служебном автобусе, которыми из всех районной города доставляют тружеников «Меткости» в лес за городом, он ехать постеснялся: вроде как дезертировал с флагмана оборонпрома. «Ну, Катенька, верным путем идешь», — все усмехался он, едучи троллейбусом, потом долгим трамваем и еще четверть часа в пешем порядке.

♦ Катенька Мисюрина в свои двадцать семь лет, совсем недавно исполнившихся, мало была довольна тусклым летом этого года. «Следующий, «двадцать-двадцать», как сейчас принято говорить, будет високосным,— ненавязчиво думалось ей,— по високосным у меня всегда случаются изменения в жизни: в прошлом познакомилась с нынешним, а в позапрошлом рассталась с первым... в смысле, первым постоянным, не считать же юное любопытство насчет *этого* за что-то стоящее отметины в памяти?» «Не ходите, девки, замуж — ничего хорошего...» — усмехнулась Катенька, вспомнив того же времени хулиганскую припевку.

Понятие «подруга» она исключила для себя со старших школьных лет, серьезно приняв слова матери, из житейски умных деревенских баб, лишь с юности горожанки, что дружество — это мужинское занятие, особенно по части выпивки, а «для нашей сестры подружками становятся только к старости или от безысходности, а до того подружки завистливы и первые соринку в твоём глазу увидят и при первом же случае весь белый свет оповестят». Поэтому, случайно встречаясь лишь с давними знакомыми, в ничего не значащих разговорах на якобы сожаление собеседницы, что-де вот ты, Катенька, наверное, жалеешь об отсутствии диплома о «верхнем» образовании, она совершенно искренне отвечала, что по нынешней жизни нужна не «вышка», но твердая профессия: «Владельцами универских дипломов забыты, как консервная банка кильками, все магазины за прилавками, лавчонки. Побегушки в офисах и конторах, рекламные зазывалы, obsлуга в ресторанах и забегаловках, в гостиницах... да долго перечислять — все с дипломами!»

Катенька не оправдывалась, ибо ее профессия не заставляла ее дрожать при слове «сокращение» в участвовавшие кризисы, непристойно заискиваться перед самым мелким начальничком, тем более «не раздвигать красиво ноги» перед боссом за мелочную прибавку. Не дура, но и не зубрила, она все же по окончанию школы, поддавшись общему настрою, отнесла документы в приемную комиссию Тулуповского университета, но по ее скромным баллам ко времени зачисления «бюджетнеыко» (о платном с ее родителями-работягами и речи не заводилось) выходила ей такая малопрестижная техническая специальность, даже от названия которой во рту ощутимо чувствовался привкус металлической стружки, сдобренной тавотом, что она махнула рукой и вернулась домой со своим школьным аттестатом. А самый умный в практической жизни родственник, родной дядька, материн старший брат, посоветовал племяннице продолжить образование в лицее, то есть бывшем пэтэу, что в пригороде Носкове: «По опыту общения с тамошними выпускницами знаю: отменно там готовят профессиональных компьютерщиков, пользователей, конечно, но высокого класса, то есть от набора текстов до практики графических программ, редактирования и всего такого прочего. А если параллельно заочные бухгалтерские курсы, не напрягая себя, окончишь, то цены тебе, Катенька, не будет... в смысле, цена высокая, баки всем, которые с дипломами, набьешь в любом офисе или государственной конторе!»

Так она и поступила, а через два года — с Сашком уже разбежались — была уже при деле в солидной торговой фирме. Для разнообразия, благо при ее профессии и набранном опыте, невзирая на всякие кризисы, безработной она не останется, поработала в налоговой службе, затем снова вернулась в частное дело. Так прошло три с небольшим года до знакового прошлого високосного, в котором ей исполнилось двадцать два года. В общем-то нудноватое общение с компьютером не утомляло, но и не увлекало ее, а возраст первого расцвета молодости требовал своего. Времена простоватого Сашка вспоминались мимоходом, с усмешкой. Тело наливалось почти еще неутоленной страстностью, но в поколенной памяти от матери, подгородней деревенской бабы, эта страстность умело управлялась чисто женской практичностью: здесь она еще больше походила на дядьку, материного брата. Пару раз заводила отношения с коллегами, ровесниками по возрасту и, как сейчас принято говорить, по социальному положению, но особо это не длилось: и парни попадались «без особой

перспективы», и они, тоже смышленные, расхолаживались: приданого за Катенькой, тем более квартирного, не предполагалось.

Многое для нее изменилось по первому году работы. После корпоратива, тоже первого в ее трудовой жизни, заболталась она с Людмилой, опытной в жизни тридцатичетырехлетней сотрудницей, уже побывавшей и замужем, и дочь воспитывающей. Жили они с ней почти рядом, в соседних кварталах, идти от тоже недалекого офиса своего в одну сторону. По теплой летней ночи присели, благо Людмилу понесло душу выкладывать молоденькой коллеге, на каком-то подобии скамейки во дворе дома, недалеко от Катенькиного. Многое от той ночной задушевной беседы запало ей в голову. Даже не запало, ибо какой-никакой опыт общения с парнями имелся, но все поставило на свои места. Особенно Людмила советовала молоденькой сослуживице соотносить две вещи: бытовую действительность, не из лучших, и притягательную силу первой молодости, тем более при внешней привлекательности и «недурственной мордашке с непустой по практичности головенкой». «...Из такой для тебя, Катенька, соотносительности следует желательность «спонсоров» или папиков. Причем даже не в смысле более или менее комфортно обставленного траханья, что тоже для здоровья необходимо, но, так сказать, как нас в универе учили, для первоначального накопления капитала: квартирка с обстановкой, счетец в банке, приличный круг общения. Но и здесь не увлекайся: как только все это случится, даже по минимуму, впрочем, хорошему минимуму! так ближе к тридцати годам спонсоров и папиков побоку, находи себе среднестаточного мужика, рожай, словом, создавай нормальную семью, напрочь выкинув из головы все предыдущее! И будет тебе спокойное, хотя бы умеренно обеспеченное счастье...».

Уже на первом месте работы, статьи, при содействии Людмилы, Катенька попробовала найти покровителя в лице еще относительно молодого зама по маркетингу. А в налоговой конторе зацепила сорокалетнего начальника отдела регистра. Но оба почему-то решили, что молоденькую симпатичную подчиненную интересует только содержимое их штанов. Да еще жена зама по маркетингу, которой добрые люди донесли весть о пассии супруга, устроила прилюдный скандал в офисе, почему, собственно, Катенька и ушла из фирмы в налоговую службу.

Меж тем прежний быт затрещал: сестра ее собралась замуж за бесквартирного суженого. Их хрущевская трешка грозилась превратиться в ту самую банку с кильками. К этому времени Катенька распрощалась с государственной налоговой конторой и удачно устроилась снова в частную фирму. Другую, конечно, не с халявным замом по маркетингу. И должностишка здесь у нее даже появилась. Небольшая, но в подчинении бабенки с дипломами! Проработала она несколько месяцев, а здесь пришел с елочным корпоративом знаковый для Катеньки високосный год. Хозяин фирмы, небольшой, но из числа непотопляемых в любых кризисах, солидный из себя мужик в начале пятого десятка, расчетливый, но с добродушием в характере и нежадный, имел несколько страхолюдную супругу — обычный атрибут женитьбы по мелкому расчету — и ее племянницу в качестве секретарши. И подчиненные бабенки все постарше Катеньки, замужние. А у Дмитрия Алексеевича возраст заматеревшего кобелизма... Словом, после новогоднего елочного корпоратива в ресторанчике с «номерами для отдыха» Катенька обрела надежного папика, да к тому же в полном расцвете мужественности. Как говорит ее мать, правда, по другому поводу: «Тароват да умен — два угодия в нем».

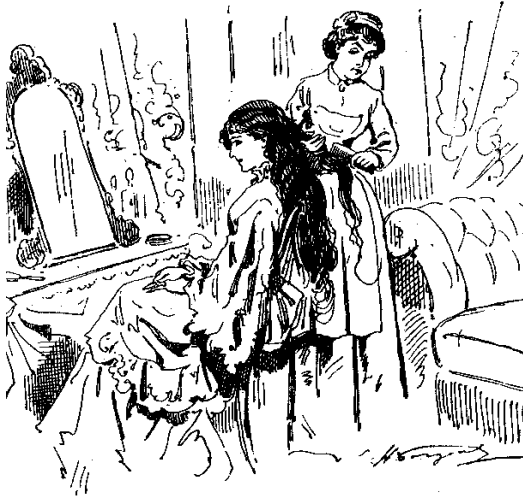
Памятуя наставления Людмилы, дескать, сначала чрезвычайно восхити состоятельного мужика в постели, а потом ненавязчиво заключай с ним «коллективный договор», Катенька уже к майским праздникам обитала в двухкомнатной квартире, любовном гнездышке. Привыкшая к своему кварталу, хотя и пятиэтажному, но престижному для людей несколько выше «среднего класса», она и порекомендовала Дмитрию Алексеевичу, наедине — Димчику, купить квартиру неподалеку от ее ро-

дательского гнезда. Матери она объяснила все напрямую и получила полное одобрение, знала, что дочь все делает с дальним умыслом. Она же приструнила слегка заворчавшего отца, выставив тому пару бутылок, и завидушую новобрачную дочь — сестренку Катеньки. По «коллективному договору» квартира переходила к Катеньке через несколько лет, если и она соблюдет все свои обязанности. В фирме же она скоро получила место главбуха с персональным окладом. Умный Дмитрий Алексеевич полагал более экономным содержать Катеньку за счет фонда зарплаты.

...День выходной. Попивая утренний кофе на уютно, как и вся квартира, устроенной кухне, Катенька все держала в хорошенькой головке эти недавно исполнившиеся двадцать семь лет. Много это или мало? — Для исполнения дальнейших планов, конечно. На этот день рождения Димчик сделал роскошный подарок: за верность почище супружеской, благонаравие характера и отсутствие хронических женских капризов и удовлетворение его мужественности он переписал дарственной квартиру на Катеньку. А поскольку дела его фирмы шли в гору — выиграл за малый откат выгодный тендер,— то впридачу к квартире «уполторазил» ей оклад.

Двадцать семь лет. Квартира с обстановкой, счет банковский все круглеет и круглеет, ибо она так поставила «коллективный договор», конечно, ненавязчиво, но только легкими намеками, что из своих денег тратит только необходимый минимум. Все остальное благодущный Димчик, почему-то почувствовавший удовольствие дарить своей очаровательной, на свой откуп охотно берет.

Год-другой у нее в запасе, а там пора рожать (абортвов разумно в жизни избегала) без осложнений и всякого там кесарения. Для ребенка нужен законный муж. Она хохотала над мелодрамными сериалами: выходить замуж за мужика на двадцать лет старше? Смешно хотя бы по причине не столько уж далекого снижения мужественности Димчика. Да и развести его себе в убыток: на страхолудине тот женился по расчету, она и совладелица его бизнеса. И вообще она только вступает в серьезную жизнь. Значит... но впереди еще полтора-два года, что-нибудь придумает. Кстати, надо встретиться с Людмилой, та без доброго совета не оставит. Однако раз-мечталась: через час Димчик придет.

Молодая содержанка владельца сети супермаркетов «Копейка рубль бережет» Авдотья Никитична подготовку к ежегодному бизнес-балу городского купечества начала уже пополудни. И как положено у женщин — с прически. Горничная Глаша не нахвалится роскошными волосами хозяйки:

— *Ах, барыня, что за роскошь у вас волосы: прядка к прядке, локон к локону, на перхоть даже намека нет. А все потому, что не используете все эти рекламируемые химикалии, а только натуральные отвары. И травы подбираете все правильные; это я вам как кандидат биологических наук, ранее доцент, говорю. И откуда вы только эту рецептуру знаете?*

— *А я, Глаша, ведь химик-фармацевт по образованию. И бабушка моя покойная была деревенской знахаркой, траволечением на жизнь зарабатывала.*

— *Почему же, Авдотья Никтична, по специальности не работаете?*

— *Обе мы, Глаша, давно уже не по специальности на хлеб насущный зарабатываем. У тебя, вот, наверно, НИИ за ненадобностью прикрыли, а я после конкурса красоты по рукам пошла, пока не закрепилась за нынешним хозяином.*

— *А не грешно, барыня?*

— *Грешно, Глаша, это когда грессишь, а я работаю, вот как и ты, но только по другой специальности — из самых древних женских.*

КЛИКОВ И НЕДОЛАЙКИН, ИЛИ ЖИЗНЬ В ЦИФРОВОМ ОДИНОЧЕСТВЕ

Неустанно вязавши чулки, Перегуд додумался, что «надо изобрести печатание мыслей». Гутенбергово изобретение печатания на бумаге он признавал ничтожным, ибо оно не может бороться с запрещениями. Настоящее изобретение будет то, которому никто не может помешать светить на весь мир.

Н. С. Лесков «Заячий ремиз»

Цыпленок зачинается в яйце тогда, когда оно портится.

Григорий Сковорода

◆ Семейства Юрки, по давнему, еще школьному прозвищу Юрец, Клюквина и Макса Недолазова переселились в новопостроенный дом близ городского стадиона одновременно в год, когда Юрец и Макс, тоже в один выпуск, окончили Тулуповский университет, который в городе и области в досужих разговорах упорно именовали политехом, каковым он и являлся со времени основания в первые сталинские пятилетки и до лихих девяностых, когда по всей бывшей 1/6 части земной суши все школы переименовали в гимназии, пэтэу — в лицеи, училища — в колледжи, а все институты, включая уездные «педы», — в университеты. Ну-у, это «предания старины глубокой». Оба семейства из торгового среднего класса, измучившись в родительских еще хрущобах, поднакопили деньжонок, продали наследованные совмещенки и купили вполне пристойные их доходам квартиры в почти престижном двухподъездном многоэтажном доме фасона «спичечный коробок, поставленный на попа». Надо заметить, что никоим образом члены этих семейств, до переезда на новину проживавших в различных, удаленных друг от друга, районах широко раскинувшегося Тулуповска, и не подозревали о существовании друг друга: Клюквины — Недолазовых, соответственно, Недолазовы — Клюквиных. Даже Юрец и Макс, одновременно учившиеся в одном вузе, не были даже шапочно знакомы: встретиться на улице — равнодушно пройдут мимо друг друга, как все мы проходим, разминаясь с совершенно незнаемыми людьми. Во-первых, с советских времен в политехе, затем в университе-

те, числилось под двадцать тысяч студентов; во-вторых, сорок корпусов и вспомогательных зданий растянулись в половину района, а Юрец и Макс учились на разных факультетах, чуть ли не в километре друг от друга.

А полупрестижный, то есть без фигурных башенок, эркеров и прочих архитектурных излишеств, дом оказался с занятным сюрпризом. Как то положено в последние три десятка лет, чтобы не тратиться на всякие коммунальные подводки к зданию, дорогостоящие хлопоты на расселение сносимого жилищного и хозяйственного старья, не осваивать пригородные пустоши и прочее, строительная компания за умеренный бакшиш (административные и которые в погонах чиновники и мелочью не брезгают) приобрела участок под дом-вставку. Но когда подрядчик руками молодцов-гастарбайтеров скоренько сгношил коробку, то сообразился архитектурно-привязочный конфуз. Дело в том, что участок выдался этакой узкой, почти в толщину коробки полосой, зажатой между двумя дорогами: уличной и радиальной общегородского значения, тянущейся от центра к крайнему обводу-развязке. Последняя спешно начала строиться одновременно с полупрестижным домом. Поскольку же дорожное и домовое строительства подчиняются различным планирующим городским ведомствам, то и вышел такой архитектурный конфуз. Отыскали и наказали стрелочников из мелких чиновников, которым и без того ни копейки-цента не перепало из домового отката, то есть бакшиша. Известно дело исстари на Руси святой: алтынного вора вешают, а полтинного чествуют.

Радиальная общегородская дорога как раз расположилась вдоль фасада новостроящегося дома, поэтому он из класса почти престижного — по ценам квартир — перешел в разряд полупрестижных, ибо ни о каком, ранее зарекламированном застройщиком, дворе с детскими площадками, грядущими теннисными тополями и развесистыми конскими каштанами (гордость Тулуповска — почти Париж и Одесса!), даже скромными скамеечками для старушек и столиками для пенсионеров-домоношников, речь уже не шла. И, о ужас! даже обычные подъездные выходы по технике безопасности и всяким там санитарно-пожарным нормам соответствующие инспекции (после скандала и бакшиш из осторожности не брали, себе в убыток инспектировали...) запретили выводить в сторону достраиваемой стахановскими темпами дороги с губернаторским контролем. Архитекторы и застройщик поломали головы и перепланировали оба подъездных выхода: теперь они, изогнувшись внутри здания — один вправо, другой влево, — выходили на улицу из торцов дома в метре от фасадных углов.

Принято сетовать, что в современном мире отчужденности люди, годами проживающие в одном подъезде многоэтажного дома, порой не знают друг друга даже в лицо. В определенной степени это относится и к жителям сконфуженного дома. Но здесь и вовсе случился феномен разобщенности двух его подъездов. Поскольку, ввиду отсутствия двора и тротуаров, даже узеньких пешеходных дорожек вдоль фасадной и тыльной сторон зажатого дорогами злосчастного строения, пройти от одного торцового подъезда к другому невозможно, то связь таких автономий с внешним миром оказалась возможной только в противоположные стороны: выйдя из своего подъезда, гражданин, товарищ (это который с погонями) или господин должен, гуляючи, пройтись метров с полтора по дикорастущему скверу между дорогами по сгношенной строителями асфальтовой дорожке, а дальше для обитателей правого и левого (со стороны фасада глядя) подъездов «выход в люди» существенно различался. «Леваки» под прямым углом поворота улицы сворачивали на ее тротуар и еще метров триста шли до проспекта; свернуть с этого тротуара не было возможности: с одной стороны глухая длинная стена ограждения стадиона, с другой — несколько состыкованных друг с другом оград и стен двух университетских корпусов и вспомогательных служб-зданий. «Правяки» же тоже под углом, но только тупым, огибали здание музыкальной школы и выходили на тротуар переулка, ведущего в про-

тивоположную проспекту сторону. Если прикинуть в уме и на пальцах, то попасть из левого подъезда в правый, равно как и наоборот, можно было, после сложных петляний, где-то за тридцать-сорок минут бодрого солдатского шага. Это как на плацу учебного отряда дивизии brave старшины командуют новобранцами: «левой, левой! солдатский шаг — шестьдесят сантиметров!»

Таким образом, обычная автономность подъездов многоквартирных домов здесь перешла в абсолютную самостоятельность и независимость. По отношению друг к другу подъезды стали анклавами: это как Калининград и Крым для материковой России, но там-то есть поезда и паромы и семнадцатикилометровый мост. Опять же лизинговые «боинги» лѣтают. Уже не говоря, что свои автомобили среднечеловеческие обитатели полупрестижного дома, матерясь, размещали где придется вдали от визуального оконного надзора, но для правого и левого подъездов все было различным: «свои» магазины и службы жизнеобеспечения, даже почтовые отделения и операционные филиалы Сбербанка разные. Обычная должность старшего по дому, как нонсенс, не существовала, раздвоившись на старших по подъездам с правами первого для каждого из них. Русский человек ко всему скоро привыкает и уже ничему не удивляется. Поэтому когда житель дома вызывает водопроводчика, электрика, телевизионного или компьютерного чинильщика, увы, и *03-машину*, если занедужит, то принимающая заказ диспетчерша уточняет, услышав название улицы и номер дома: «Та-ак, квартира тридцать восемь. Это с какой стороны: от стадиона или от музыкалки?» Люто ненавидели жильцов дома почтальонши из двух отделений связи: адрес-то один по улице! Хорошо, что в век интернета письма бумажные не пишут, телеграммы не посылают и посылки от всеобщей скупости не шлют. И еще момент: по новой строительной моде балконы в доме вовнутрь и отгорожены друг от друга вертикальными, по всей высоте здания, ребрами-выступами. То есть, даже опасно перегнувшись над перилами, соседа не увидишь и не услышишь.

Собственно, для чего мы остановились столь подробно на ляпсухах современного городского строительства? — А просто чтобы сказать: семейства Клюквиных и Недолазовых поселились в различных самостоятельных подъездах, оба на пятом этаже с видом из окон на достраивающуюся радиальную городскую дорогу. Понятно, что жители различных подъездов, Юрец и Макс друг друга не знали. Только и всего-то. А читатель, не хуже прокурора, смысла доискивается...

♦ Макс он и есть Макс: и имя и кликуха. Про Юрца уже сказано. Но они уже выросли в эпоху всеобщего и полномасштабного оцифровывания, поэтому со средних школьных классов уже имели свои интернетовские *ники*: Люк у Юрца, Дол у Макса — слог из своих фамилий, удачно получились: и кратко и импортом отдает. Все по-компьютерному, интернетовскому. Но что удачно для интернета, то для него же их фамилии сыграли злую шутку: по созвучию каждый из них получил еще в школе прозвища за глаза, то есть Кликов — для Юрца, Недолайкин — для Макса. Поначалу это обоих злило, но потом оба же махнули руками: зовите, мол, как хотите, только денег в долг не просите.

Поскольку родичи Юрца и Макса выбились в среднестатистические люди не так уж и давно, то с прибавлением семейств своих по возрасту запоздали, то есть пришлось ограничиться единственными наследниками. В тихой жизни все перемены приходят скопом. Так и у Юрца с Максом по времени совпали переезды в новые квартиры, получение дипломов и официальное трудоустройство, именно — официальное, поскольку по компьютерной части подрабатывали еще с первого курса. По специальности, что в дипломах проставлена, оба, слегка подумав и посомневавшись, работать не пошли, хотя в исторически оружейном Тулуповске в наступившие годы оборонпром частично восстановился. Впервые за последние двадцать лет зарплаты инженеров на серьезных предприятиях, из числа оживившихся, превысили доходы рядовых офисных клерков и торговых менеджеров — в основном по причине падения последних в

череду всевозможных кризисов. Но ведь преуспели! как бы там арифметические пропорции не раскладывались. Это как пресловутая инфляция, которой на самом деле сейчас и вовсе нет, а есть дефляция, попросту говоря, вялотекущее подорожание всего и вся и массовое постепенное обнищание.

Ну-у, неча в высокие категории лезть. У Клюквина-старшего по случайному совпадению — отошли от дел и перешли в разряд предпенсионных рантье сразу два его конкурента — несколько расширился рынок сбыта, потребовался компьютерный системщик по части логистики. И он с удовольствием оформил трудовую книжку на Юрца. «ООО Клюквин и сыновья», — слегка загрустив при множественном числе слова «сыновья», беззлобно сыронизировала мать, когда Юрец с аппетитом ужинал, вернувшись с первого трудового. В небольшой авторемонтной мастерской Недолазова, в основном перебивавшейся тонировкой стекол и рихтованием умеренно побитых передков, компьютерщики не требовались по определению рода работ. Поэтому Макса отец устроил в офис оптовой торговли к давнему знакомому и собутыльнику по зимней рыбалке.

По странному совпадению матери Юрца и Макса трудились по педагогической линии: первая в школе, другая в коммунально-строительном техникуме. Кстати говоря, единственным в городе и области, который не прельстился на американское обезьянническое название «колледж». Как объясняла Елена Григорьевна Недолазова супругу и сыну причину такого вызывающего анахронизма, на момент массовых переименований в девяностые годы в техникуме директорствовал по отставной разрядке подполковник из «компетентных органов», люто ненавидевший америкосов и вообще западников: его карьера в «органах» обнулилась из-за неудачи в выполнении задания по оперативной работе, где его по мелочу, но все же переиграли цэрэушники...

Вот обе-то матери вполне справедливо положили по женской природной категоричности, что новые просторные квартиры и начало трудовой деятельности их лелеемых чад всенепременно должны замкнуться в треугольник (это по определению Елены Григорьевны, обучавшей будущих коммунальных строителей математике) женитьбой. Девиц Юрец и Макс не избегали, но без увлечения — чтобы как все, от этих *всех* не отставать, но сама мысль о женитьбе в двадцать с мелочью лет им представлялась смешной. Но заботливые и резонные в своих доводах матери, начиная издаലെка и заканчивая близко, наседали на сыновей по линии замыкания равнобедренных треугольников. Более мягкохарактерный и послушный Юрец пару раз даже вяло согласился с убеждениями матери, для очистки совести раз и другой прошелся по сайтам знакомств в городском ареале. Ровесницы по возрасту, образованию и, так сказать, имущественному (из лексикона отца) положению все были на одно инкубаторское лицо: распущенные волосы ближе к блондинистому цвету, умеренный макияж, чуть удлиненное этими волосами и макияжем. Неумелые еще «а ля Голливуд» зубастые улыбочки, обязательно втянутые — для искусственных сексапильных ямочек — при фотографировании щеки. Инкубатор и есть. И не только на фото, но и в стандартности принятых в таком случае резюме: «Веселая, но скромная, понимаю юмор, люблю путешествия, коммуникабельная. Любимая книга — Дина Рубина* «Синдром Петрушки»; любимый фильм — «Мосты округа Мэдисон». Любимая еда: итальянская паста, чизкейк, смузи, стейк из семги, лазанья». Перестал он искать невест для спокойствия матери в инете, а в жизни реальной когда-то еще наметится?

Макс слушал Елену Григорьевну молча, но когда ему напрочь надоели матема-

* Несколько лет назад для проведения новомодного всероссийского диктанта на русскую грамотность текст взяли из сочинений Дины Рубиной, израильской русскоязычной писательницы. Затем в околотитулярной прессе случился легкий скандалчик: некто досужий грамотей отыскал у Дины фразу про «спиленное бревно»... — Прим. авт.

тические доказательства матери о необходимости замыкания равностороннего треугольника, то он просто привел домой «на ужин» офисную коллегу, которая пробовала ластиться к новому в их коллективе парню. Ей же объяснил — посмотришь как живу. По-своему истолковав такое прямое предложение (про родителей в квартире он умолчал), девица Лиза, называвшая себя Джулией, соответственно нарядилась и наштукатурилась, а при виде строгой училки Елены Григорьевны и почти за ними пришедшего домой Недолазова-старшего потеряла и без того слабый дар речи. После тягостного семейного ужина, который не оживила даже выставленная хозяином бутылочка массандровского хереса, гостя заторопилась домой: «Мама будет волноваться». Отец, мать и даже Лиза-Джулия поняли и — каждый по-своему — оценили фортель Макса. Отец при случае похохатывал, Елена Григорьевна на время отстала от сына со своей треугольной геометрией, а в офисе девицы фыркали при утреннем появлении на работе Макса. К его явному удовольствию, ибо еще со дворового своего отрочества он крепко запомнил хулиганскую присказку о нежелательности совмещения места жительства и работы и постельного общения с девицами.

♦ Наступила слякотная зима. Юрец и Макс вошли в новый ритм своей жизни без особых изменений в ней. Только нуднятину учебы, где соскучившиеся к пенсионному возрасту от ничтожной зарплаты, поменьше дворницкой у гастарбайтеров, и десятилетиями одно и то же произносимого на лекциях, доценты одним своим неряшливым видом отбивали интерес к чему-либо, сменила унылость нижних ступеней пресловутого бизнеса. Если Юрец на правах сына босса и сам-один компьютерщика еще как-то ощущал себя человеческим человеком, то Макс у чужого дядя тупо зарабатывал близкие к смешным деньги. Словом, поденщина для головы, оброк для души.

На глазах Юрца и Макса, от начального школьного детства до сегодняшнего дня, в жизни окрест их произошли такие перемены, которые во флоте соответствуют команде «кораблям поворот всем кругом». В этом самом детстве они еще застали отголоски «лихих девяностых» с пивными брезентовыми палатками на каждом свободном клочке асфальта, круглосуточно торгующими водярой магазинами. По дороге в недалекую школу, у каждого свою, первоклассники Юрец и Макс завистливо поглядывали на старшеклассников обоего пола, что перед началом уроков, воробьиными стайками рассевшись во дворах соседних со школой домов на изгородях и наружных трубах отопления, дымили сигаретами, а то и вовсе пивком освежались. Но страну начали в быстром темпе подтягивать к порядку и дисциплинарному благонравию. По мере перехода из класса в класс, затем с курса на курс, Юрец и Макс наблюдали, как исчезали пивные палатки, общедоступные забегаловки, ночники, а еще советской поры рестораны и кафе перепрофилировались в магазины, порой со странным, невостребованным товаром — явно для отмывки многих тонн черного нала из ближней столицы. Предложение стимулирует спрос — девиз общества потребления, но директивное ограничение предложения ограничивает этот спрос — не спросившись у потенциального потребителя. Все меньше народа наблюдали студенты Юрец и Макс на улицах, даже в длинные и солнечные дни благодатного лета: взрослые горбатились на частный капитал, зарабатывая все большим потом все меньшие деньги для содержания своих семей, раскатавших было нос на легкие деньги девяностых, когда от всеобщего разворовывания страны кой-чего перепадало и мелким лавочникам, порой даже и бюджетникам. О заводах и фабриках тогда забыли и думать. Это еще школьникам Юрцу и Макс объяснили их отцы, мелкие частнособственники. — Под бутылочку горькой в разразившийся в конце двухтысячных, нулевых годов всемирный кризис.

...А младшие поколения тоже стали избегать обычных для их возрастов радостей вольной жизни: от шатанья по улицам и дворового общения для школьников до совсем замечательной студенческой жизни с дружескими посиделками в дешевых заве-

дениях «с подачей», футболом на университетских стадиончиках, знакомствах с девушками в доступных еще клубах — бывших заводских домах культуры, наконец, с всепоглощающей первой серьезной любовью. Все минуло как сон, ушедший в далекое прошлое. Все эти поколения, почище тюремного заключения, заковал в свои цепи интернет, за последние два десятилетия от занимательной игрушки для недорослей и удобного (без зарплаты!) помощника для людей трудящихся превратившийся в гигантский спрут, сделавший человека своим роботом. Это уже студентам Юрцу и Максусу объясняли старого закала преподы, порой разговорившись на лекциях сверхполиткорректно и толерантно выверенной программы. Но таких все меньше оставалось, отходили по возрасту, а то и по доносам самих же студентов, от дел на заслуженный отдых.

И Юрец с Максом, даже не подозревающие о существовании друг друга, стали придатками интернета.

♦ Странная это штука интернет, порой проскальзывала у Юрца и Макса нечаянная мысль. Вроде как ты член всемирного, двух-трех, а может и более миллиардного, сообщества, а с другой, как обычный *живой* человек, совершенно одинок, почти что изолирован от общения с другими *живыми* людьми. Вот и Юрец, уже месяц как втянувшийся в новую интернетовскую игру с иерархией в двенадцать уровней, по мере восхождения с уровня на уровень, где каждая такая ступенька, учитывая сложность игры, занимала не менее пяти-шести плотно занятых вечеров, иногда задумывался: а что из себя представляют его коллеги-конкуренты с уже примелькавшимися никами? По условиям игры участники никаких иных сведений друг о друге, кроме ников, знать не должны: полное обезличиванье. Не само по себе, разумеется, но, чтобы минувшая контроль диспетчеров игры, недобросовестные участники не сговаривались друг с другом по иным каналам связи. Это как в покере шулеры играют парой. Чтобы не распыляться, Юрец выделил участника с ником Дол, который уверенно переступал уровни вровень с ним. Кто он в своей живой оболочке? Каков собой, из какой страны или города, если соотечественник? Возраст его, характер и все остальное, человеческое... Почему-то Дол вырисовывался — что за игра воображения! — индусом или японцем лет тридцати — тридцати пяти, с университетским образованием, а индус и вовсе в Америке учился. Сложнее с профессией — не обязательно компьютерщик. Например, японец офисный менеджер, а индус перебрался в Австралию (где-то прочел, что там много индусов работают) и трудится в тамошнем филиале компании *Hewlet Packard* или *Googol*. И так далее, вплоть до семейного положения и любимого сорта пива.

...И Макс заприметил в числе своих конкурентов участника с ником Люк. Почему-то он представлялся ему подмосковным жителем из бывшего наукограда, работает же в Москве, тратя по два часа дороги туда и столько же обратно, правда, через день — в сетевой компании, ровесник.

По условиям игры для прыжка на предпоследний уровень финалистов (а среди них победитель и два премиальных дипломанта выбирались цифровым лототроном) следовало выбрать участника, который, в свою очередь, и его выберет. Это уже не игра в орлянку, а следовало проанализировать весь ход игры, начиная с нижнего уровня, отслеживая более или менее рядом идущего соперника. Это условие было объявлено диспетчером в четверг, ответ следовало дать до полудня субботы. В четверг и пятницу Юрец и Макс весь вечер и начало ночи, часов до двух, ломали головы. Пришла и финальная суббота. Оба отказались от завтраков, вообще не выходили из своих комнат. Девять часов. Десять часов. Одиннадцать с четвертью. Без четверти двенадцать — роковой час. Все, пропали полтора месяца жизни... Юрец в полном отчаянии вскочил со стула и, не взвидя белого света, со злобой шархнул тыльной стороной кулака по стене, к которой придвинут его рабочий стол. И Макс в полном отчаянии ударил кулаком по стене, в полнейшем отчаянии спрыгнув со стула. И — о

чудо из чудес! — от удара Юрца квадрат, где-то полметра на полметра, стены, разорвав обои, прогнулся вовнутрь чужой квартиры. В тот же миг ответным ударом разорванного Макса этот же квадрат снизу вогнулся в сторону квартиры Юрца, а затем и вовсе отлетел от стены и грохнулся на его стол. Хорошо не дотянул нескольких сантиметров до ноута, иначе бы расшиб его.

Пригнувшись к квадратной пробоине, тот и другой изумленно уставились друг на друга.

— Ты кто?

— Юрец. А ты?

— Макс. Чего это стены ломаешь?

— Да вот с игрой незадача. А ты чего?

— То же самое. Слушай, а какой у тебя ник?

— Люк. А твой?

— Дол. О-о-о, братан, так мы с тобой одну партию ведем. Пять минут до двенадцати осталось, давай срочно сообщаем ники: ты — мой, я — твой.

...Юрец и Макс вышли в финалисты. И хотя цифровой лототрон обошел их обоих своим виртуальным вниманием, но и стать финалистом — большой почет: их имена, настоящие, не ники, навечно теперь внесены на цифровую доску достижений солидной компании компьютерных игр. Юрец с Максом сдружились, что редкость в наше время цифрового одиночества.

◆ ...Как потом выяснилось в судебном разбирательстве по дознанию и технической экспертизе, застройщик, снизив цены за квартиры, когда выяснилось что из-за строящейся впритык радиальной городской магистрали у дома не будет двора, автостоянки — и вообще ничего, дабы не особо потерять в прибыли, отдал команду прорабу экономить буквально на всем: «Хоть внутренние стены из г... лепите, но чтобы ни один обломок кирпичика, ни единая щепка мимо дела не прошли!» Так получилось, что при разгрузке панелей для некапитальных квартирных стен, в том числе в проемах между кирпичными кладками стен межподъездных — для крайних квартир, неряшливый крановщик так неаккуратно «приземлил» пакет этих панелей, что проломил нижнюю опорную торчащий булыжник. Когда строители-таджики указали прорабу на бракованную плиту, то последний, еще добротной советской закалки, беззлобно выматерил арийцев* Азии, а затем процитировал известный лозунг Леонида Ильича: «Экономика должна быть экономной». Затем самолично красным карандашом, что обычно держал за ухом, по плотницкой линейке обвел квадратом полметра на полметра, велел самому понятливому гастарбайтеру выпилить квадрат по контуру, изготовить такого же размера из какого-нибудь ненужного обрезка плиты, вставить в отверстие плиты, закрепив клеем. «...Затем зарихтуй заподлицо, а при установке все следы и вовсе исчезнут при известковой обмазке».

Как с видимым удовольствием от проделанной работы доказывал на суде молодцеватый технический эксперт, перемигиваясь с роскошно-длинноногой судебной секретаршей, из той же частнособственнической экономии вместо добротного клея «хенгель» на стройке использовался дешевый китайский эрзац, поэтому-то квадратная вставка и вылетела от двух ударов Юрца и Макса — явно не боксеров или гиревиков...

А в момент происшествия на тройной грохот — кулаками Юрца и Макса и от падения вылетевшего квадрата на стол Юрца — в комнаты финалистов сбежались оба семейства, заодно и познакомились через квадратную пробоину. Как люди деловые, старшие Клюквин и Недолазов тотчас вышли из своих квартир и через двадцать минут уже сидели в равноудаленном от автономных подъездов ресторанчике с интерес-

* Таджики, как иранцы и обе афганские народности, принадлежат к этноязыковой индо-европейской, или арийской, группе народов.— Прим. авт.

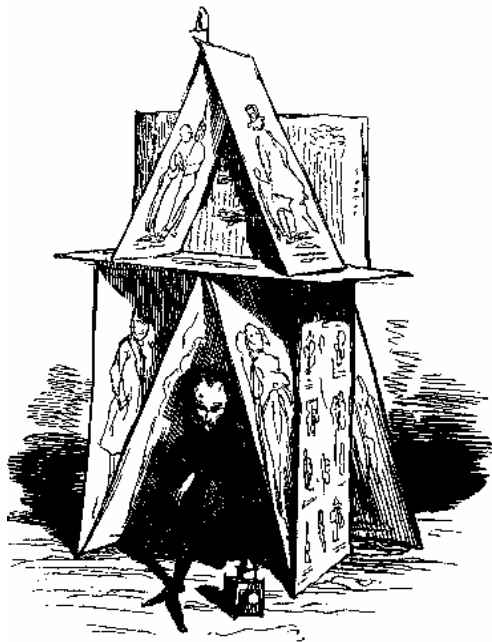
ным названием «Библиотека», каковая здесь же ранее и размещалась.— В архаичную эпоху чтения бумажных книг, точнее, вообще чтения.

Выпив по первой за знакомство, сразу перешли к составлению диспозиции. Сами частнособственники-предприниматели средней руки, они решительно отвергли какие-либо мирные переговоры с застройщиком. «Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа»,— приговорил Клюквин, в первом поколении городской житель, помнящий едкие деревенские присказки. «Только суд и суд показательный! — согласился Недолазов,— главное, иск выставить на предельно разумную цифру, всякий там моральный ущерб...».

С понедельника сражение началось. Клюквин понес в районный суд коллективное, от двух квартирохозяев, исковое заявление, а Недолазов позвонил в популярнейшую в городе и в области желтую газету «Толока». Там восхитились скандалезностью происшествия и тотчас прислали молодого, но уже ловкого корреспондента Дениса Коротина, подписывающего свои материалы в газете как Дэн Кóрвин, и фотокора. Вошедшие в апофеоз сражения Клюквин с Недолазовым купили прямо в редакции «Толоки» две пачки очередного номера, а Юрец и Макс, тоже почувствовавшие вкус охоты, пользуясь стенным отверстием, распределили номера и самолично отоварили ими почтовые ящики обоих подъездов. Весь дом хохотал: ядовитейше написанная Дэном статья-фельетон сопровождалась почти десятком фотографий, на которых в стенном проломе весело помахивали ручками обитатели злосчастных квартир, здоровались также за руку в отверстие, на столе Юрца лежал, прислонившись под углом к стене, выпавший кусок. Венчали фотосессию два снимка: Юрец и Макс, обнявшись, позировали в качестве финалистов новомодной компьютерной игры, а на другой — панорамный вид на дом, стиснутый двумя дорогами. Не только огороженный дом, но и весь город с областью целую неделю хохотали. Говорили, что и сам губернатор с интересом читал. Но судья, принимая исковое заявление, с сомнением покачал головой, дескать, такие дела тянутся годами, а там и с застройщиком что-либо чудесное случится по коммерческой, например, части...

Но подмога пришла откуда не ждали. В одной из квартир Клюквинского подъезда проживала пожилая пара, у которых имелась какая-то досадливая недоделка, а главное, их старший сын, проживавший в столице, был известен как модный, блестящий адвокат, глава своей конторы «Совестливы и партнеры». Уважая обиженных родителей и для создания себе имиджа в родном городе — Москва большая, но и окрестные места надо к своей практике приобщать! — он и взялся бесплатно поддержать иск Клюквина и Недолазова. На заседании суда он произнес такую великолепную речь, что в освещавшей процесс «Толоке» ее сравнили разве что с хрестоматийными русскими дореволюционными адвокатами А. Ф. Кони и Плевако...

Истцы процесс выиграли. Из обладминистрации нажали на застройщика. Компенсацию Клюквина и Недолазовы получили по пристойному максимуму. Однако возвращаться к прежней автономности подъездов, здраво рассудив, квартироръемщики не захотели: а вдруг сотовая связь и интернет пропадут? Совсем не общаться что ли подъездам? Ведь живем в эпоху глобализма как на вулкане. Словом, в стенной квадрат вставили что-то навроде непрозрачной форточки, открывающейся в обоих направлениях. Но только при одновременном повороте запорных рычажков.

Даже в проникнутой духом коллективизма Советской стране интеллигент стремился к некоторому уединению; таких мест было немного: кухня с бутылкой горькой сам-один да туалет. Новейшие времена, казалось бы, благоприятствуют полному уединению, тем более, что при вороватой организации жизни общение с другими людьми просто опасно. И пошло и поехало. Столично-мафиозная часть бывшей культурной прослойки для уединения построили виллы во Флориде и в Испании, а у остальных, нищенствующих, средств хватило только на картонные домики. Материалами же для их строительства послужили найденные на свалках отечественной истории артефакты: верноподданнический монархизм, обрядовая церковность, умеренное диссидентство, начатки европейского либерализма от Чаадаева, внешнее славянофильство от братьев Киреевских и Хомякова, отголоски евразийства и добрая власть, у которой злые бояре-чиновники украли «жалованную грамоту» для народа.